

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Драгоценный век»

Оформление — *В. Половцев*

Афанасьева, Е.
А94 Театр тающих теней. Под знаком волка: [роман] / Елена
Афанасьева. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 384 с. —
(Драгоценный век.)

ISBN 978-5-17-159015-4

Перевернутый Гражданской войной Крым 1920 года, нидерландский
Делфт времен расцвета голландской живописи, придворные интриги вокруг
последних из Габсбургов в Испании XVII века и Москва несколько лет назад.

И три кольца с вензелем *ICE* испанской принцессы Изабеллы Клары
Евгении, запечатленные на ее портрете работы фламандского художника
Адриана Брауэра и с тех пор гуляющие по свету. Где и когда они встретятся
в следующий раз?..

Конец эпох, конец правлений, конец прошлой жизни. Конец как начало.
Вторая книга трилогии Елены Афанасьевой «Театр тающих теней».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159015-4

© Е.И. Афанасьева, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Перед вами вторая книга романа «Театр тающих теней». Но это не буквальное продолжение первой книги «Театр тающих теней. Конец эпохи». Тем, кто ждет, что действие начнется ровно с того момента, на котором вы оставили на распутье главную героиню Анну, возможно, не понравится, что этого не случится. Но...

Это театр теней, а тени имеют особенность исчезать. И появляться так же внезапно, как и исчезли.

Во второй книге трилогии вас ждут новые герои, которые, надеюсь, станут вам так же дороги, как Анна, Савва и волчонок Антип Второй. А судьбы некоторых героев первой книги раскроются для вас с неожиданной стороны. Чтобы в третьей книге «Театр тающих теней. Словами гения» свести воедино все истории и расставить все точки над і.

А пока оставляю вас не в октябре 1922 года в Берлине, где закончилась первая книга романа, а на три года раньше, в октябрьском Крыму 1919 года. И приготовьтесь к стремительным перемещениям по эпохам и странам.

Ваша Е.А.

АРЕСТ

Савва

Балаклава. 1919 год. Октябрь

Волк Антипка бежит за машиной. Бежит, не отстает. Почти как тогда, в апреле, по пути в Ялту, когда он выбился из сил, отстал, но потом нашел Анну и девочек на пустом причале и не умеющего плавать Савву из воды спас.

Антипка бежит. Пока бежит, у Саввы есть надежда.

Спрашивать, куда и за что его везут на бывшем авто графини, бесполезно. Это даже он, Савва, при всей его наивности и неприспособленности к жизни, понимает.

С двух сторон от него два крепких мордворота в форме денкинской армии — не дернуться, не сбежать. Заталкивая его в машину, один из них, с бульдожьей мордой, уже разбил Савве челюсть и скулу. Всё лицо теперь болит. И десны выбитых, но не выпавших зубов кровят. Дёргаться бессмысленно. Запах от его конвоиров неприятный — грубых папирос и давно не мытого белья.

Анна будет ждать к ужину, волноваться, прятать в подушках — чтобы не остыло — порцию для него, лучше бы сама съела. Анна совсем похудела за эти полгода, что может пагубно сказаться на ее здоровье. А Савве что будет! Он и так не в меру упитан. Никакой голод его не берет, хотя есть хочется постоянно, но он не становится стройнее. Или Анна ему, как дочкам, лишний кусок подкладывает, а он съедает и не замечает?

Антипка отстает. Нет, это просто Савве не видно бегущего за машиной волка, мешают два «бульдога» по бокам, и не разглядеть, а волк бежит, его не бросает...

Савва узнает поворот с Севастопольского шоссе на Балаклаву. Еще в разговорах прошлой осенью,

когда в имение приезжали важные флотские чины, слышал, что здесь, в балаклавском порту, важная база флота. Флот теперь давно разграблен и разбит. Еще в прошлом году графиня Софья Георгиевна с гостями обсуждала безалаберность нового командующего и потерю флота. Кораблей, считай, больше нет. Ни у красных, ни у белых, ни тем более у зеленых. Что же в этой таинственной бухте теперь, когда нет кораблей?

Куда привезли — понятно. Но за что? И что с ним будет? Кто ему объяснит?

Выгружают. Заталкивают в здание на пристани. Взащей гонят в одну из комнат. Ничего хорошего это не сулит. Даже если мораль прочтут и отпустят, как из Балаклавы до имения добираться?

В комнате темно, тусклый свет единственной лампочки. Человек в форме деникинской армии сидит лицом к окну.

— Можем быть свободны, ВашБлагородь? — спрашивает затолкавший Савву в комнату «бульдог» у сидящего около окна офицера.

— Можете! — отвечает тот. И поворачивается.

Константиниди!

Один из двух близнецов, которые часто гостили у графини Софьи Георгиевны. Скорее, это Николай. Если Савва правильно помнит, в последнее время к ним приезжал Николай. В военной форме. Антона, поэта, не было давно. Хотя какой он поэт — все рифмы у него неправильные. Тонический строй нарушен. Такие стихи даже Савва не позволит себе писать, хотя поэтом себя не считает. Но если поставить задачу, разобрать стихотворный размер, выбрать правильный ритм, подобрать не навязшие в зубах рифмы, то он напишет точно лучше этого «поэта».

Но поэта Антона здесь нет, это хорошо — про поэзию спорить не придется. Есть офицер Николай, который в последнее время у них часто бывает, всё ведет разговоры с Анной об отправке ее, девочек и Саввы в Европу.

Вероятно, офицер Николай хочет обсудить с Саввой их отплытие. Без женщин обсудить. Как мужчина

8 с мужчиной. А прислужники низшего чина пере-

старались, и только. Скула болит. И два зуба шатаются, он языком проверяет, волнуется, чтобы совсем не выпали. Надо сказать, чтобы Николай наказал этих «бульдогов».

Савва протягивает Николаю руку. Тот не шевелится. Так и стоит Савва с зависшей в воздухе рукой, не зная, что делать — дальше держать, в карман убрать? Наконец убирает в карман и, начиная жаловаться на грубость младших чинов, садится на стул.

— ...зубы выбили, как теперь на место приживутся, не знаю, скулу разбили. И можно ли теперь воды не холодной или теплого чаю рот прополоскать, от холодной челюсть сведет...

— Встааааать!

Резкий крик Николая заставляет Савву вскочить со стула. Что там? Не бомба же в сиденье зашита?! Почему «встать»?

— Встать, гаденыш красножопый! Думаешь, тебя привезли сюда чай распивать?!

Что это с всегда таким галантным Николаем? В имени всё чин чином, грубого слова не скажет. С Анны не сводит глаз. Хорошо, что самой Анне он безразличен, Савва это видит. В доме принимает, чаем, когда морковным, когда травяным, а когда и настоящим угощает, а ухаживания принимать не собирается, делает вид, что не замечает. Хотя он, Савва, знает Анну, замечает она всё.

— Думаешь, гадёныш, можно работать на врага и выйти сухим из воды? Спокойно сидеть себе в имени, бабочек собирать, рисуночки свои малевать?!

Высокий Николай нависает над пухленьким невысоким Саввой.

— Не работал я на врага.

Николай достает револьвер, приставляет его к горлу подростка.

— На врага не работал. Плакаты, какие велели, рисовал, чтобы продпаяк дали, Анну и девочек кормить.

Константиниди снимает револьвер с предохранителя.

— А что про перемещения войск знал, так там, в Ревсовете, с секретностью слабовато было. Шифр совсем простой. Через стол увидел, за сорок восемь секунд разобрал.

Николай взводит курок.

— Сорок восемь секунд, говоришь, паскуда! Пристрелю тебя сейчас быстрее, чем за сорок восемь секунд.

Как грубо заговорил Николай.

— Анна искать меня будет, — бормочет Савва, и Николай так гадливенько усмехается.

— Не найдет. Концы в воду. Не найдет!

Убирает револьвер от его горла, слава тебе господи! Хотя Савва и агностик, но почему-то эти фразы из давних причитаний матери лезут теперь в голову — слава господи, одумался. Передумал Савву убивать.

— Не найдет! — вкладывает револьвер в кобуру Николай. — Потому что я тебя не здесь пристрелю. Труп твой жирный отсюда далеко до пристани тащить и пол от твоей продажной крови оттирать!

На столе в графине прозрачная жидкость. Савва сам не пьет, но сразу понимает, что это не вода. Характерный запах с водой не перепутаешь. Он же знает, что химическая формула C_2H_5OH показывает, что в составе молекулы этого вещества находится два атома углерода ($A_r = 12$ а.е.м.), шесть атомов водорода ($A_r = 1$ а.е.м.) и один атом кислорода ($A_r = 16$ а.е.м.). Не вода, в общем, а водка. Или даже спирт.

Николай наливает из графина полстакана. Залпом выпивает. Утирается рукавом. В имени графини Софьи Георгиевны он так себя никогда не ведет — салфетки, платочки. А теперь рукавом.

— Не здесь тебя убью! На пристани. Чтобы твой труп сразу свалился в воду. И не всплыл до весны, когда его обглодают рыбы и отложат в нем свои яйца моллюски.

Савва морщится — не от страшной картины, а от чудовищного невежества. Необразованные они люди, эти Константины. Один брат законов стихосложения не выучил, другой не знает, что моллюски не откладывают яйца.

— У морских двустворчатых дробление спиральное, — бормочет Савва. — Гастрола превращается в типичную трохофорообразную личинку и развитие идет с метаморфозом. На спинной стороне образуется зачаток раковины, сперва непарный, потом перегибающийся и образующий две створки, после чего личинка опускается на дно и постепенно превращается во взрослую форму.

— Гастрола, говоришь, — повторяет незнакомое слово Николай.

Наливает себе еще полстакана и хохочет.

— Гаст-рруллааа!

Развозит его прямо на глазах — наглядная иллюстрация пагубного влияния этилового спирта на организм здорового человека! Смеяться над простым зоологическим термином здоровый человек может только в стадии алкогольного опьянения. Обидно, что серьезные ученые до крайнего мало внимания уделяют этому фактору, особенно в России, где алкоголь в опасных дозах пьют все слои населения.

— Познакомишься со своей гастролой уже ночью! На твоем трупе она и превратится во взрослую особь!

Так же залпом выпивает еще полстакана.

— Думаешь, я тебя спасу? Или по-тихому пристрелю, избавив от мучений?

Занюхивает краюхой сдобного хлеба, лежащего в изящной хлебнице на столе. Российские офицеры, пусть даже этнические греки, хлебом выпитое не занюхивают. Где это Константиныди таких дурных манер набрался?

— Я при всех тебя пристрелю! При всех!

Еще водки из графина наливает.

— Чтобы никто сказать не мог, что капитан Константиныди покрывает ишачившего на красных приятеля! Чтоб видели все пристрелю!

Выпивает еще четверть стакана и кричит:

— Увести!

Повернувшись к Савве, добавляет:

— Ночью увидимся. В последний раз. Сейчас еще партию таких, как ты, подвезут, чтоб веселее стрелять было.

И пьяно мерзко хохочет.

КОНЕЦ ВСЕГО

Даля

Москва. Недавно

— Ты сдурела?!

Орёт! Как это с ним последнее время случается.

Олень, Оленев*, олигарх, владелец собранной Далею для него уникальной коллекции, орет!

Но если раньше она облегченно выдыхала — орет не на нее, то теперь именно на нее.

Не слыша возражений, орет!

— Мне всё время говорили, что ты мне фуфло подсовываешь!

Ему «всё время говорили»! Конечно же, говорили! Все, кто хотел сожрать выскочку, случайно попавшую в ближний круг недавнего олигарха, говорили, и не раз. На нее наговаривали. Порой казалось, что времени и сил работать не останется, все силы уходят, дабы только закрыться от тех, кто «говорит».

— Говорили — я не слушал! Но теперь!

Теперь — это после разгромной статьи Фабио Жардина на сайте «The New York Times», — ее объяснений Оленев слушать не хочет. Статью он вряд ли нашел сам. Конечно же, вовремя подсунули.

— Ты уволена!

И отключается. На попытки перезвонить, объяснить, не отвечает. Сообщения не открывает.

* Герой романов Елены Афанасьевой «Ne-bud-duroi.ru», «Знак змеи» и «Колодец в небо».

Часом ранее не орал, а шипел другой:

— Ваша карьера закончена!

Шипел Фабио Жардин, главный эксперт Мирового фонда культурного наследия, который должен был просто поставить последнюю подпись на документах для выставки, уже готовой к открытию в топовом мировом музее Гюльбенкяна в Лиссабоне.

— Лично прослежу, чтобы ни к одной серьезной экспозиции, ни к одной экспертизе, ни к одному изданию вас на пушечный выстрел не подпустили!

По видеосвязи было видно, что даже при его темном цвете кожи он от злости весь красный, вот-вот от напряжения лопнет. Крутил на мизинце известное на весь мир кольцо Гения с прозрачным желтым камнем, которое он какими-то неправдами выкупил у «Фонда Ант. Вулфа», и шипел.

Она и сама выглядела не лучше, в маленьком окошке вверху экрана сама себя не могла узнать. Но тогда ее мозг автоматически просчитывал варианты — какие подтверждения подлинности можно еще предоставить. И не находила ни единого.

Это конец.

Скандал грандиозный! Чудовищный скандал.

Еще две недели назад на эту же самую выставку в Генте стояли очереди. Оленев позировал на открытии, давал сдержанные комментарии особо избранным изданиям и телеканалам, отдельно демонстрируя, как работы раннего Вулфа из цикла «Театр тающих теней» правильно смотреть на просвет, чтобы проступали те самые тени — Даля специально разработала систему показа не картинами на стенах, а динамичными конструкциями с контровой подсветкой, при которой работы гения обретают над-уровни и иные смыслы.

Еще два дня назад онлайн-билеты на эту выставку в Лиссабоне были проданы на три месяца вперед!

О найденных шедеврах великих художников от Вермеера до Вулфа из коллекции этого странного русского, бывшего олигарха, богатеющего теперь непонятно на чем, писали все художественные издания, сайты, блогеры, хештеги выставки входили в топы соцсетей. И вдруг...

Заявление Фабио Жардина, что большинство работ на выставке подделки, что никакого подлинного Вулфа, а тем более Вермеера в собранной ею коллекции нет — удар под дых. От которого ей не оправиться.

Удар по ее репутации.

Удар по репутации Оленева, коллекцию которого в последние годы пополняла она, Даля.

Удар по его состоянию — в эти картины вложено много миллионов долларов. Много сотен миллионов. И вчера все эти картины стоили во много раз больше тех сумм, за которые они были приобретены. А сегодня не стоят ничего. Ноль. Зеро.

Клеймо «подделка» теперь стоит и на всей выставке, и на всей коллекции, и на всем, что она когда-либо атрибутировала, оценивала, на что давала свои экспертные заключения.

Всё, что она делала много лет, на ее глазах рассыпается в прах.

Всё, чем жила. Во что вкладывалась. Ради чего забывала про всё остальное — свою семью, которой так и нет, детей, которых еще не родила, отношения, которые так и не выстроила.

Дела ее жизни нет. Репутации нет. Отношений нет. Любви нет. Ничего нет.

Остался только позор. И стыд.

И необходимость как-то с ним жить.

Это она нашла неизвестные работы великих. Она, почти девочка, вчерашняя студентка, нашла шедевры. Все говорили — такого не бывает, потому что просто быть не может! Она доказала, что может.

Это она собрала второе, и третье, и десятое мнение и подтвердила свои предположения — картины, подписанные иначе, чем обычные подписи великих, им — великим — принадлежат!

Это она по крупичам, по деталям собрала доказательную базу и убедила весь художественный мир в том, что всё, найденное ею, подлинники. Кто же знал, что эти мнения и эта

доказательная база не смогут перевесить авторитет

14 одного Фабио Жардина! И кто знал, что «вовре-

мя» подсунутая ее ненавистниками статья сделает из Оленева не союзника, а еще одного соперника.

Материализовавшийся из ниоткуда главный эксперт Мирового фонда культурного наследия выступил с разгромной статьей на сайте «The New York Times». Обозвал всю коллекцию барахлом, ломаного гроша не стоящим.

Владелец коллекции, когда-то доверивший ей свои деньги и репутацию в художественном мире, резко от нее отвернулся.

Она теперь новый Ван Мегерен*, продававший «вермееров» собственного изготовления нацистским лидерам — только холст и краски в тюремную камеру ей не принесут.

Она — очередной Михаэль Бокемюль, подтвердивший подлинность Архива Явленского**.

Она — Иштван Шлегль, автор каталога Нины Коган, которая отродясь работ из этого каталога не рисовала.

Она — Жан Шовлен с его выставкой картин Александры Экстер*** и русского авангарда.

И все прочие позорные пятна на светлой картине мировой живописи — тоже она.

Всё, что она собрала, уничтожат. Через пять дней.

Связаться с Оленевым так и не удастся.

Его давняя, еще школьных времен, подруга Женя Жукова****, сама тонкий ценитель и собиратель, Далю утешает. Обещает дозвониться Оленю, убедить его не делать поспеш-

* Ян Ван Мегерен — самый известный фальсификатор картин Вермеера, продававший свои подделки в коллекции нацистских лидеров, в частности Геринга, что после окончания Второй мировой войны грозило ему длительным тюремным заключением. Чтобы избежать обвинения голландских властей в коллаборационизме и в распродаже национального культурного достояния, признался, что все проданные им картины написал сам, и в качестве доказательства написал очередного «Вермеера» прямо в тюремной камере.

** «Архив Явленского» — одна из наиболее масштабных афер в мире искусства в XX веке, когда в 1998 году на рынке появилось сразу несколько сотен акварелей художника Алексея Явленского.

*** Жан Шовлен — организатор выставки 2009 года в Туре «Александра Эстер и ее друзья». Выставленные им работы Эстер, Малевича, Кандинского, Ларионова, Лисицкого были признаны Фондом Александры Эстер поддельными.

**** Героиня романов Елены Афанасьевой «Ne-bud-duroi.ru», «Знак змеи» и «Колодец в небо».

ных выводов, дать Дале время. Обещает и, скорее всего, сделает, Женя никогда не подводит — повезло Димке с мамой, не то что ей. Но когда это еще будет. Завтра... Послезавтра... До этого еще нужно как-то дожить.

А пока... Пока она в аду. Хуже которого не бывает.

Или бывает.

Женя говорит, что Даля славится умением сделать еще хуже, когда кажется, хуже уже не бывает. Сделать ад еще более адовым.

Славится. Притягивает к себе это «хуже худшего».

Оленев не просто поверил своему окружению, столько лет мечтавшему ее сожрать, а немедленно ее уволил, не оставив шанса на исправление ситуации. Фабио Жардин не просто обозвал ее коллекцию дерьмом, ломаного гроша не стоящим, и не просто затеял процедуру «изъятия подделок из мирового художественного фонда» — впереди показательное уничтожение «подделок»!

Всё, на что главный эксперт Мирового фонда поставил клеймо «подделка», подлежит уничтожению. Всё, что она за эти десять лет нашла, попросту говоря, сожгут или отправят в шрёдер. Такова политика Мирового фонда — уничтожать, дабы подделки дальше не портили светлый и чистый мир искусства. И дабы другим неповадно было.

Хуже так хуже! Чтобы ей стало еще хуже, чем «хуже не бывает».

Вот и теперь она, Даля, вместо того, чтобы искать аргументы, еще не испробованные научные методы анализа, привлекать мировые авторитеты, которые круче Фабио Жардина и которым удастся убедить Мировой фонд в подлинности собранной ею коллекции, вместо того, чтобы биться за картины гениев, которым грозит смерть, как за собственных детей, хлопает дверью.

Оленев верит только Мировому фонду. И тем, кто «всё время говорит».

Мировой фонд верит только Фабио Жардину.

Фабио Жардин заявляет, что верит только себе и никому более. «Разве что сами гении поднимутся из могил

и подтвердят подлинность своих работ».

Если плохо, пусть будет еще хуже. Совсем невыносимо пусть будет.

Ад так ад!

Как тогда, лет десять назад, когда ей первый раз показалось, что она летит в бездну.

В девятнадцать лет она оказалась почти на улице. Одна.

РАССТРЕЛ

Савва

Балаклава. 1919 год. Октябрь

Те же костоломы, что сидели с двух сторон от него в машине, ведут Савву вниз, в подземелье. Один из них с совершенно бульдожьей мордой заталкивает его в темную камеру с низким потолком, с крошечным грязным оконцем, набитую людьми — не продохнуть. Закрывает двери на тяжелый засов.

Савва оглядывается по сторонам. Скамеек нет, стульев нет. Ничего нет. Кто может, сидит на полу, кому не удастся присесть, тот стоит, пригибая голову — потолки низкие, даже невысокому Савве полностью не разогнуться.

Не снимая синее драповое пальто, в которое весной было зашито ожерелье графини Софьи Георгиевны, что и спасло их с Анной и девочками от голода, садится прямо на пол рядом с закопченной от чадающей лампы стеной. Нащупывает в кармане небольшой пинцет для марок. Машинально начинает рисовать на стене.

И вычислять, есть ли у него шанс выбраться и какие действия для этого нужно предпринять? Или шанса у него нет, и незачем тратить силы напрасно, а лучше последние часы жизни посвятить чему-то другому? Вспомнить всех бабочек своей коллекции, например. В это лето он наконец нашел редчайшие экземпляры стевениеллы сатириовидной и поликсены и превзошел коллекцию младшего Набокова, обидно, однако, что Владимир этого не узнает.

Привычка у Саввы такая — всегда что-то чертить и рисовать, пока идет работа мысли. Порой он сам не понимает, что рисует, замечает только тогда, когда мыслительный процесс окончен. Так и теперь.